

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.5>.

EDN: MWSYHK

А.В. ШЕНТЯКОВА^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного д.1/3, подъезд 7.

² Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

КРИЗИС И УСТОЙЧИВОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ (ОПЫТ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Аннотация. Рассматриваются оценки и мнения представителей региональной элиты о кризисе и устойчивости в современной России. Экономическая и политическая устойчивость выступают важными условиями стабильности государства, что обусловило актуальность исследования. Кризисные факторы нарушают привычные институциональные порядки и становятся вызовом для властвующей элиты. В качестве эмпирической базы исследования используются материалы глубинных интервью с представителями региональной/муниципальной политико-административной и экономической элиты. В выборку вошли 8 субъектов Северо-Западного федерального округа РФ. Для определения статуса респондента использовались критерии позиционного подхода. Качественный анализ текстов позволил выявить различия в восприятии кризиса у представителе двух субэлитных групп. Возраст как критерий также выявил различия в оценках/мнениях и позволил разделить всех участников на две группы — оптимистов и скептиков. Респонденты — представители бизнеса сильно ощущают последствия кризиса, для них он протекает болезненно и элементы устойчивости оцениваются ими очень критично. В сознании людей из региональных и местных администраций кризисные явления последних пяти лет не оцениваются как серьезная угроза, с которой си-

стема не сможет справиться без значительных потерь. Показатели устойчивости не вызывают опасений.

Ключевые слова: кризис, устойчивость, административная элита, экономическая элита, глубинные интервью, взаимодействие бизнеса и власти.

Для цитирования: Шентякова А.В. Кризис и устойчивость в зеркале мнений региональной элиты (опыт глубинных интервью) // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 4. С. 138–159. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.5>. EDN: MWSYHK.

В течение всего XX в. активно разрабатывались концепции кризиса в рамках различных подходов, акцентируя внимание на общих и частных аспектах, причинно-следственных связях, типологии кризисных явлений. Были выделены различные виды кризисов в зависимости от той сферы, в которой первоначально кризисные явления разворачиваются наиболее интенсивно, — экономические, финансовые, управленческие, политические, духовные и т.д. Важно было проследить не только последовательность кризисных явлений, но и зависимость этих процессов от реакции ключевых субъектов принятия решений. Отечественный ученый А.А. Богданов, разрабатывая в 1920-е гг. теорию организации и дезорганизации систем, одним из первых обращает внимание на роль кризисов и их неизбежность для устойчивого развития любой системы: «С внешней стороны определение кризиса просто и очевидно: это смена организационной формы комплекса. Но что представляет эта форма? Мы знаем: совокупность связей между элементами. Следовательно, смена формы может состоять только либо в уничтожении каких-либо прежних связей, либо в возникновении новых, либо в том и другом вместе. Кризис есть нарушение равновесия и в то же время процесс перехода к некоторому новому равновесию» [2]. В начале XX в. американским социологом У. Томасом была разработана теория кризиса и социальных изменений. Он трактовал кризис как «явление, которое нарушает привычных ход вещей» и требует «новой модели поведения», чтобы адекватно реагировать и принимать решения в изменившихся условиях [3, с. 271].

В современном мире кризис понимается не как отдельное, локализованное во времени и пространстве явление, а в большей степени

как процесс, разворачивающийся по мере того как различные факторы и субъекты взаимодействуют, нарушая институциональные нормы и практики, повышая уровень рисков для основных формальных и неформальных институтов. Сложность, взаимозависимость и политизированность — вот характеристики, все больше отвечающие понятию кризиса настоящего времени [1, с. 38]. Если раньше кризисы трактовались как внешний фактор, влияющий на повседневную жизнь, меняющий основные правила и практики откуда-то извне, то теперь они стали повседневной частью образа жизни людей. Рубеж XX–XXI вв. характеризуется экспертами как начало нового периода — «мирового общества риска» и «эры кризисов». Последствия терактов, социальных и экономических потрясений, катастроф и эпидемий усугубились и стали все менее управляемыми [1, с. 39], что обусловлено процессами глобализации, цифровизации и активным внедрением новых технологий в повседневную жизнь. В совокупности эти процессы влияют на восприятие и поведение людей, которые в условиях информационного общества склонны неадекватно оценивать кризисные явления и их последствия.

С одной стороны, можно согласиться с позицией многих исследователей, которые предлагают рассматривать кризис как «серьезную угрозу основным структурам или базовым ценностям или нормам [общественной] системы, которая вынуждает принять кардинальное решение в условиях ограниченного времени и значительной неопределенности» [1, с. 40]. Когда система находится в сбалансированном, синхронизированном режиме, она отвечает на внешние и внутренние требования. Если система перестает отвечать выдвигаемым требованиям и не выполняет свои адаптивные функции, она переходит в кризисное состояние [10, с. 98].

С другой стороны, несмотря на негативную смысловую нагрузку понятия кризис, само явление носит и конструктивный характер. Кризисы способствуют проявлению латентных проблем системного характера, которые организация/государство либо игнорировало, либо решало с применением некорректных ресурсов и инструментов.

В последние десятилетия зарубежные исследователи кризисов отмечают и подчеркивают важность субъективного восприятия событий как кризисных. «Очевидно, что понимание и оценка последствий кри-

зиса, особенно долгосрочных (как, впрочем, и самого кризиса), зависит от базовых ценностей самого субъекта оценки, от его исходных норм и критериев» [1, с. 47]. «Кризисы возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для самой системы», но «лишь тогда, когда члены общества переживают структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе» [11, с. 19].

В новых условиях, когда одна волна кризисных явлений почти сразу сменяется следующей, очень многое зависит от способности властной элиты сохранить институциональный порядок, баланс сил и интересов как внутри элиты, так и в обществе. Одной из важных составляющих в кризисные периоды исследователи выделяют коалиционные взаимодействия между различными сегментами элиты и готовность к консолидации наиболее влиятельных акторов. В процессе выработки политического (экономического) курса в меняющихся условиях «для политической системы самым главным является поддержание необходимого уровня и качества управляемости» [7, с. 140]. «В условиях кризиса элиты максимально проявляют свой статус, функционал и индивидуально-групповые качества. Кризис выступает для общества индикатором способности элит управлять и легитимности занимать главенствующее положение» [4, с. 6]. Для преодоления кризисных явлений и их последствий в государствах, проходящих трансформационные процессы, со слабыми институтами и сложным территориально-административным устройством необходим высокий уровень консолидации усилий со стороны ключевых представителей политической элиты и бизнеса. Этот фактор позволяет сформировать каркас целевых ориентиров для активизации мобилизационного потенциала более широких слоев населения. Этот же фактор способен снизить уровень тревожности в обществе через каналы коммуникации в случае необходимости. Но эти параметры выступают на первое место только при условии, что и ключевые субъекты во власти, и рядовые члены общества воспринимают ситуацию и оценивают положение как кризисное.

За последние пять лет российское общество пережило две большие волны кризисных явлений. Первая связана с пандемией коронавируса,

а вторая — с началом СВО. Оба кризисных фактора носят внезапный и общегосударственный характер, так как затрагивают все сферы и сегменты общества. Опросы общественного мнения ФОМ и ВЦИОМ за последние годы показывают постоянное ощущение кризиса в настроениях граждан, но в условиях двух разных кризисных ситуаций — пандемии и начало СВО — на первое место вышли базовые ценности жизни, здоровья, мира. «Пятый год подряд мы живем в кризисной ситуации. Но это не привычный нам экономический кризис, а что-то более сложное. Сначала — пенсионная реформа, затем — коронакризис, теперь — СВО. Эти тяжкие испытания скорректировали иерархию ценностей в понятном направлении. Материальные запросы отодвинулись на второй план, на первый же вышла базовая потребность в безопасности, физическом выживании, здоровье. Быть живым и здоровым — самое важное сейчас»¹. Данные, опубликованные крупнейшими исследовательскими центрами, показывают, что в течение последних пяти лет большинство граждан воспринимали события и политико-экономические изменения как кризисные.

Результаты массовых опросов обусловили актуальность исследования кризисных настроений среди представителей экономической и административной элиты с использованием качественной методологии. В условиях повышенной неопределенности элиты как институт выступают инстанцией, регулирующей и поддерживающей институциональные порядки. Фактор самооценки и восприятия кризис/стабильность представителями региональной/муниципальной элиты могут содержательно влиять на характер принимаемых решений и уровень сплоченности внутри властных групп. Влияние человеческого фактора на характер и динамику протекания кризисов отмечают многие зарубежные исследователи «Способность политиков, чиновников и управленцев понять, что происходит в текущий период внутри и вне их организаций, даже в обычных условиях, встречается достаточно редко» [1, с. 44]. Этот параметр обусловил позицию исследователей, при которой смысловое наполнение понятия «кризис» не пред-

¹ Глава ВЦИОМ рассказал о переменах в настроениях россиян. URL: <https://wciom.ru/sobytie/ne-zhit-odnim-dnom-glava-vciom-rasskazal-o-peremenakh-v-nastroenijakh-rossijan> (дата обращения: 15.06.2024).

лагалось респондентам как готовый методологический концепт, а определялось и интерпретировалось самими респондентами.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках проводимого исследовательского проекта объектом выступали представители экономической и административной региональной и муниципальной власти. Предмет исследования — выявление и оценка признаков политического, управленческого и экономического кризисов в сознании представителей этих социально-профессиональных групп. В многочисленных работах как отечественных, так и зарубежных исследователей отмечаются различия в ресурсной базе, карьерных траекториях и дискурсе для представителей этих субэлитных групп. Как отмечают Г. Кербо и Л. Фэйв, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции, для того чтобы сделать стоящим это направление исследования» [8, с. 148], вследствие чего одной из гипотез исследования было предположение об отличиях в оценке и восприятии кризисных волн между представителями этих элитных групп.

В выборку вошли 8 из 11 субъектов Северо-Западного федерального округа (Ленинградская, Новгородская, Вологодская, Мурманская, Архангельская, Псковская области, Республика Карелия и город федерального значения Санкт-Петербург). Респонденты отбирались и маркировались по критериям позиционного подхода, который определяет принадлежность того или иного субъекта к властной группе на основании занимаемого положения, а значит, и ресурсного потенциала и выполнения определенных структурно-профессиональных функций. Методом «снежного кома» в каждом субъекте отбирались 20 респондентов, по 10 человек из каждой субэлитной группы. В качестве административной элиты рассматривались руководители комитетов (их заместители) в региональном правительстве, председатели (или их заместители) комитетов и комиссий в региональных парламентах, а также мэры наиболее крупных городов / главы наиболее крупных районов. Бизнес-элита была представлена как руководителями первого/второго звена из наиболее крупных и значимых фирм, компаний, предприятий,

так и индивидуальными предпринимателями. Этот кластер не включает представителей крупного бизнеса в регионах, только средний и малый бизнес. Объем выборочной совокупности составил 160 респондентов.

Методом сбора информации выбрано глубинное интервью. Серия интервью проходила в течение года с июля 2023 по август 2024, длительность каждого интервью составляла 1–2 часа. Проект был междисциплинарным, в связи с чем основной пул вопросов гайда затрагивал экономические аспекты и показатели кризисности/устойчивости предприятий и фирм, вопросы менеджмента и качества управления. Но отдельный блок вопросов был связан с политическими и социально-экономическими параметрами оценки ситуации в регионе/районе.

ПОНЯТИЕ «КРИЗИС» В СОЗНАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Первым блоком в анализе текстов интервью стало обобщение и группировка смысловых единиц, затрагивающих понятие кризиса у представителей этих групп. Для большинства политиков и администраторов пандемия и начало СВО не обозначались как серьезные кризисы. В высказываниях представителей власти эти факторы фигурировали как угрозы, риски и форс-мажорные обстоятельства, т.е. события, с которыми можно справиться привычными способами и которые не требуют инновационных решений или ресурсов. Почти все участники интервью подчеркивали, что «последние 5 лет были сложными и для экономики, и для бизнеса, и для людей, но все-таки это не кризис, какой был в 1990-е гг.». Для большинства респондентов мерой сравнения являются процессы и события после распада советского государства.

Тогда был действительно кризис и не один, а сейчас ситуация несколько иная, это скорее более сложные обстоятельства с высокими рисками» (зам. председателя областного парламента, 59 лет).

В текстах интервью само слово кризис редко употребляется, когда респонденты говорят о принятых решениях, характере ситуации и дают оценку состояния района/региона в настоящий момент вре-

мени. Отметим, что в беседах политико-административного сегмента элиты элементов кризисного восприятия ситуации не было обнаружено. В сознании этой группы людей кризиса в полном смысле слова нет. В качестве косвенных маркеров можно выделить только увеличение количества отчетной документации, рекомендации быть более сдержанными и осторожными в процессе переговоров, усиление контроля и требований при формировании техзаданий в сфере госзакупок и заказов.

Сложнее работать стало, люди не хотят понимать, что быстро серьезные вопросы решить невозможно. Я не могу все бросить и заниматься каким-то одним проектом... Да, февраль 2022 встряхнул людей, но ничего в их жизни не изменилось. Кто хочет и готов рисковать, могут хорошо заработать. Но ведь в бизнесе всегда было много рисков (чиновник регионального уровня, 54 года).

Многим нравятся картинки из европейской жизни, где чиновники лучше работают. Но ведь там и люди более ответственные, законопослушные. В пандемию даже их службы не справлялись. <...> Я могу действовать только в пределах полномочий, оценить качество моей работы может только начальник или коллега. Со стороны многие проблемы незаметны и непонятны. С нас требуют выполнение показателей, указов федеральной власти, а где брать ресурсы, деньги, специалистов? (зам. начальника районной администрации, 51 год).

Да, есть инфляция, есть рост цен, процентные ставки в банках выросли и т.д., но и возможности найти работу с хорошей зарплатой тоже много. Кто хочет заработать, тот не сидит и не ждет, когда государство даст денег... Пандемийные условия были сложными, но всегда надо крутиться. Можно всегда договориться и решить вопрос, главное желание (глава комитета региональной администрации, 46 лет).

Участники проекта говорили о старых проблемах, которые обострились или приобрели бóльшую значимость под влиянием этих

событий, но не сформировались в следствии их. Отдельно респонденты отмечали, что оба события выступили «шоком для простых людей, они оказались не готовы к решениям федеральной власти, не готовы к резким изменениям и военным рискам». Согласованность и выработка единого институционального дизайна, по мнению респондентов, один из наиболее важных компонентов политического и административного вектора политики для сохранения стабильности.

У представителей бизнеса мнения отличаются. Многие (почти все) из респондентов этой группы активно используют понятие кризиса при оценке экономической ситуации их предприятий и ситуации в городе/регионе. Ожидается, что в их дискурсе кризис затрагивает экономические показатели, такие как оценка ближайших перспектив развития, новые подряды и заказы, упущенные выгоды и инвестиционные потери, снижение доли чистой прибыли. Острой кризисной ситуацией они считают состояние в сфере финансового и человеческого ресурса, т.е. человеческого капитала производственных кадров и доступности финансовых инструментов для развития бизнеса. Представители малого бизнеса настроены наиболее критично, так как их серьезно затронул пул ограничений и финансовых потерь в период весны 2020–2021 г. Весна 2022 г. усложнила для них ситуацию, в первую очередь с кадровыми решениями. Они отмечали финансовые потери от санкций, которые затрагивают логистику и цепочки поставок необходимых товаров. Большинство представителей бизнеса в регионах отмечали повышение уровня неопределенности, что очень негативно сказывается на инвестициях в развитие предприятий. Сужение горизонтов планирования и повышение планки экономических рисков означает что на предприятиях и фирмах меньше внимания будет уделяться разработке новых идей, проектов, а основные задачи связаны с сохранением занимаемого положения на рынке и существующих прибылей. С точки зрения работы государства и его институтов участники проекта не отмечали каких-либо серьезных изменений. Многие бизнесмены признавали, что поддержка бизнеса со стороны государства и до всех событий была незначительная, отмечая слабость и почти полную бесполезность/недоступность антикризисных мер в период пандемии. Приводились примеры с налоговыми, кредитными и др. послаблениями, которые плохо реализовывались, приме-

нялись фрагментарно и кулуарно. Такие оценки превалируют у представителей бизнеса, которые удалены от власти, не имеют тесных неформальных связей или у них сложились более сложные / конфликтные отношения с региональными администрациями (Санкт-Петербург, Мурманская и Архангельская обл.). В кейсах из остальных регионов представители бизнес структур менее критичны, подчеркивая важность хороших отношений и конструктивного диалога с региональной властью. Но во всех текстах прослеживается проблема накопления нерешенных задач и отложенных решений в рамках системы государственного управления. Для административного сегмента региональной элиты можно говорить об отсутствии восприятия ситуации как кризисной у большинства респондентов, что связано с их пониманием о кризисе и мерой ощущения кризиса самого по себе как явления.

Важно отметить, что возрастной фактор оказал существенное влияние на восприятие кризисности. В большей степени «сглаживание острых углов» характерно для людей в возрасте старше 50 лет. В беседах с людьми более молодого поколения слово кризис активнее использовалось и его характеристики звучали жестче. Ощущение разрушения привычной картины мира, необходимости быстро принимать решения из-за кардинально изменившихся условий выражено наиболее ярко.

Я проснулся в новой реальности, в которой какие-то правила ужесточили, а какие-то остались прежними, причин и последствий не обозначили. Что можно делать и как это делать по новым правилам информации нет. Мне пришлось потратить много времени и сил на поиск людей, которые в новых условиях были способны выполнять доставку необходимых комплектующих (представитель бизнеса 34 года).

Сложнее стало договариваться с региональной администрацией, количество отчетов и бумаг на согласование увеличивается постоянно, а результат минимальный (представитель среднего бизнеса, 43 года).

Есть главная проблема — это люди. Работать никто не хочет, все хотят только больше денег получать и отчеты красивые

писать. Никто не хочет брать ответственность и принимать конкретные решения, даже после февраля 2022 г., когда любая помощь/инициатива должны цениться. Собирали помощь нашим ребятам на линию фронта, очень долго не могли согласовать отправку через железную дорогу. Внутри администрации каналы связи работают только через личные, телефонные договоренности. Люди уходят, уезжают в другие регионы, а у нас только разговоры, что надо мотивировать (частный предприниматель, 47 лет).

Помощь со стороны государства не увидели ни в 2020, и в 2023 г. Кроме красивых слов, почти ничего нет. Финансовую помощь... только если есть «свои люди», которые внесут в нужные списки (представитель малого бизнеса, 38 лет).

ОЦЕНКА РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

Вторая важная составляющая в текстах интервью — оценка работы органов власти в период пандемии и в течение 2022–2023 гг. (после начала СВО). Отношение к политической и социально-экономической ситуации в кризисные периоды представляется особенно важным. Эти показатели позволяют оценить результативность антикризисных мер, которые реализуются со стороны государства, зафиксировать наиболее сложные, узловые моменты. Исследование восприятия представителями как власти, так и бизнеса рисков/проблем за последние пять лет и влияние этих факторов на отношение внутри региональных элит позволило выявить некоторые интересные моменты. В расшифровках бесед с представителями бизнеса не выявлены новые модели или условия взаимодействий с властью, которые были бы приняты именно под влиянием кризисных факторов.

Немного изменился контекст и акценты при выборе подрядчиков и исполнителей. В остальном ничего нового не могу сказать (помощник руководителя унитарного предприятия, 60 лет).

Приходится подстраиваться, принимать их правила, или ничего не будет. Но так было и 10 лет назад. Эпидемия, спецоперация

или еще что-то никак на власть не влияют. Люди, работники — да, меняются, больше боятся, нервничают, требуют. А во власти другие правила и ориентиры (частный предприниматель, 40 лет).

Определенная часть позитивных ожиданий связывалась с новыми людьми, которые могут прийти после выборов 2024 г. и повлиять на кадровые перестановки, но респонденты никак не связывали возможные преобразования с системными изменениями внутри политико-административной власти.

Серьезных изменений не жду. Думаю, что новые кадры и перестановки неизбежны. Может быть, с людьми из нового состава правительства удастся наладить более выгодные контакты. Но и с действующими чиновниками, хотя и трудно, но в целом работать можно (коммерческий директор предприятия, 49 лет).

Факторы пандемии и начала СВО потребовали от власти быстро разрабатывать, принимать и легитимизировать политико-управленческие решения, но, по мнению бизнеса, местные администрации и региональные политико-административные элиты продемонстрировали низкую адаптивность, шаблонность и излишнюю бюрократичность.

Нужны люди готовые принимать, иногда рискованные, но необходимые решения. Нести ответственность за эти решения. Быстро реагировать на изменившиеся условия, а их очень мало в местных администрациях. Даже на уровне региона (финансовый директор крупной фирмы, 54 года).

Был запрос на четкие, единые и понятные всем правила новой реальности, но регионы оказались в ситуации, когда каждый справляется в силу своих возможностей. В оценках и суждениях представителей бизнеса достаточно много критических замечаний. Некоторые из них отмечали, что не появилось новых площадок для коммуникации и гражданских инициатив, сохраняется приоритет за кулуарными и межличностными договоренностями.

Если есть хорошие идеи, то нужно пробиваться к первым лицам. Никто из среднего звена не возьмет на себя ответственность и инициативу. Это к вопросу о качестве работы (зам. директора по продажам и продвижению крупного предприятия, 47 лет).

Суммируя все оценки, можно говорить, что в сложившихся условиях представители бизнеса видят свое развитие только в рамках коридора возможностей, которые власть готова им предоставить. Но, по их высказываниям, можно понять, что заданные коридоры можно было бы значительно расширить, при условии сокращения бюрократических ограничений и увеличения количества активных и инициативных людей во властных структурах. Существование параллельных институтов формальных, легальных, открытых и неформальных, теневых, закрытых для «чужих» в кризисных условиях проявили свои противоречия наиболее ярко.

В текстах интервью с представителями власти, когда вопросы касались оценки качества работы администраций под влиянием кризисных факторов, информации собрать почти не удалось. Либо респонденты уходили от ответов и оценок / отказывались это обсуждать, либо все суждения носили нейтральный, настороженный и положительный окрас. Особенно ярко это проявилось, в беседах с депутатами и чиновниками регионального уровня. Оптимальным результатом проводимого политического курса в сложных форс-мажорных обстоятельствах называлось сохранение контроля и управляемости, которые приводят к эффективности всех мер в целом.

Степень согласованности позиций ключевых властных субъектов относительно целей, средств и ресурсов для их достижения, ценностей, которые в рамках этого курса политики артикулируются и продвигаются через СМИ связывались респондентами с устойчивостью политической системы в условиях возрастания рисков и угроз.

ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ

Третий блок вопросов был направлен на оценку устойчивости, в первую очередь экономической, в условиях пандемии и санкционного давления после начала СВО.

Экономическая устойчивость — сложное и многостороннее понятие, которое рассматривается с позиции двух отличных интерпретаций данного термина.

Первый подход характеризует способность экономической системы государства/компании не только выдерживать и адаптироваться, но и восстанавливаться после внешних негативных воздействий. Понятие устойчивости, как правило, трактуется в рамках современных исследований как способность социально-экономической системы сохранять текущее состояние или позитивно развиваться при наличии каких-либо внешних воздействий. В рамках зарубежных исследований это больше соответствует термину *resilience* — свойство системы возвращаться в исходное состояние после неблагоприятного воздействия [5, с. 114]. Второй подход трактует устойчивость как устойчивое развитие (*sustainability*) и было сформулировано в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» в 1992 г. В рамках данного подхода акцент сделан на возможность развития существующих поколений, не подрывая возможности будущих поколений людей. При такой трактовке методики оценки устойчивости зачастую основываются на трех блоках показателей: экологических, социальных и экономических [5, с. 115].

В рамках нашего исследовательского проекта акцент был сделан именно на первый подход, так как он позволяет включать в анализ такой показатель, как политическая устойчивость. В зарубежных публикациях этот индикатор зачастую рассматривается в рамках теории политической стабильности. С.О. Ханссон и Г. Хелгессон выделяют в стабильности такие возможные ее аспекты, как постоянство (*constancy*), надежность (*robustness*) и устойчивость (*resilience*) [14]. Постоянство Ханссон и Хелгессон определяют, как сохранение системы или ее незначительное изменение в течение времени, надежность — как способность выдержать воздействие неблагоприятных внешних обстоятельств, а устойчивость — как способность возвращаться к равновесному состоянию под воздействием данных обстоятельств. Авторы полагают, что надежность можно охарактеризовать как частный случай устойчивости, а вот постоянство и устойчивость являются двумя не сводимыми друг к другу, а следовательно представляющими разные стороны стабильности, категориями [9, с. 61]. Отечественные

исследователи также рассматривают вопросы политической стабильности в тесной взаимосвязи с устойчивостью, подчеркивая возможные отличия в категориальном наполнении для разных типов политических систем и форм государственного устройства «Устойчивость политической системы характеризуется через возможность действующих акторов удерживать изменения в заданных границах, в определенных параметрах» [6, с. 74]. Такая трактовка позволяет создать модель, сочетающую индикаторы устойчивости экономической и политической. Вследствие этого в гайде блок вопросов по параметрам экономической устойчивости включал два индикатора оценки политической устойчивости — взаимодействие власти и бизнеса после усиления давления кризисных факторов в 2022 г. и оценка рисков для политической устойчивости при неблагоприятном сценарии снижения показателей экономической устойчивости.

Анализ текстов интервью по обоим индикаторам показал интересную кластеризацию по возрастному признаку. Все респонденты условно разделились на две группы — «оптимисты» и «скептики». «Оптимистами» были признаны респонденты, которые и в оценках моделей взаимодействия бизнеса с властью, и в оценках рисков устойчивости придерживались более положительного полюса высказываний. В эту группу попали в большинстве своем представители власти, но их возраст превышает 50 лет. Они все достаточно четко указывают на проблемы и сложности, которые сопровождают связку «бизнес — власть», но при этом не считают, что есть серьезные основания ожидать резкого и значительного ухудшения экономических показателей.

Да, ситуация сложная. Ставки по рискам постоянно растут, но это происходит не галопом, а значит есть время на размышления и поиск новых путей решения. Минимальный набор экономических и финансовых мер принимается (заместитель главы комитета Правительства обл., 55 лет). Предлагаются со стороны и федеральной, и со стороны губернатора новые совместные проекты. Там, конечно, много условий и требований, но договориться всегда можно, если есть заинтересованность (мэр крупного областного центра, 62 года). <...> Много решений и бумаг пустых,

беспольных и они занимают избыточно много времени. Но есть и положительные примеры общей работы (один из соучредителей и руководителей предприятия среднего бизнеса, 58 лет).

Ничего нового в формате отношений между экономическими и политическими субъектами они не выделяют. Сложности и проблемы, которые называются носят постоянный характер и только актуализируются в отдельные моменты времени.

Среди немногочисленных представителей бизнеса, которые вошли в этот кластер (7 человек: 2 — из Санкт-Петербурга, 2 — из Ленинградской обл., 1 — из Вологодской обл., 1 — из Мурманской обл., 1 — из Архангельской обл.), превалирует мнение о негативных долгосрочных последствиях действующих институализированных моделях и практиках принятия решений в ситуациях требующих гибкости и высокой адаптивности. Но подчеркивается, что это характерно как для государственных структур управления, так и для частных коммерческих предприятий. «Оптимисты» не ожидают, что даже при значительном ухудшении показателей экономической устойчивости произойдет нарушение политической устойчивости. Аргументируют свою позицию качеством человеческого капитала, менталитетом и привычками людей.

Люди у нас такие. Никто не побежит, даже если это принесет выгоду... Привыкли, что «свои» люди лучше и надежнее каких-то неизвестных специалистов-профессионалов (бизнесмен, 58 лет).

Собрать людей и принять общее решение — задача почти нереальная. Каждый со своими требованиями, правами. Трудно мобилизовать, заинтересовать, каждый занят своими делами и проблемами. А приложить усилия, чтобы всем было лучше, это только отдельные граждане (региональный чиновник, 60 лет).

Они согласны, что кадрового ресурса не хватает в органах власти, людей с нужными качествами и знаниями мало, но выборы не рассматриваются как хороший канал для привлечения таких людей во власть.

Яркие и сильные лидеры сейчас и не нужны. По одиночке они только нарушают сложившийся баланс интересов. Вот если представить ситуацию, когда пришла вся новая и сплоченная команда из активных и заинтересованных, вот тогда, может быть, и получится предложить что-то новое и прорывное (заместитель директора крупного предприятия, 52 года).

«Пессимисты» составляют второй кластер респондентов. Это представители экономической и административной элиты возраст, которых не превышает 50 лет. По регионам эта группа распределилась приблизительно равномерно. Они более резки в оценках и суждениях, настроены более критично.

На мой взгляд, власть показала, что в кризисных ситуациях справляйся сам, как можешь (частный предприниматель, 48 лет). В этой вертикали нужно слишком долго ждать пока решение согласуется, а проблему нужно решать здесь и сейчас, а не потом когда-нибудь. Нет должности «кризисного менеджера с широким кругом полномочий, к которому можно прийти и он в сжатые сроки все согласует. И когда был Ковид, и после начала СВО, когда санкции посыпались, а поставщики и финансисты все операции приостановили (зам. директора крупной торговой сети, 45 лет). Нужны более самостоятельные и сильные управленцы на местах, на уровне среднего звена. А таких нет, их не назначают, никто не хочет делиться властью и рисковать своим местом. Место важнее дела (глава районной администрации, 48 лет). Нужна оптимизация всей системы, больше сетевого принципа, через электронные ресурсы, меньше бумаг, тогда все процессы пойдут быстрее. А то, что сейчас, это все из прошлого века. Поэтому не успеваем, не укладываемся в сроки (соучредитель и руководитель финансового отдела строительной фирмы, 39 лет).

Для этой группы респондентов ощущение и ожидание худшего сценария намного более ярко выражено. Уровень тревожности, что экономика не выдержит внешних негативных факторов давления, которые усугубляются внутренними неэффективными решениями,

и обвалится, а потом повлечет за собой дестабилизацию в политической сфере, выше, чем в кластере «оптимистов». В сознании представителей элиты более молодого поколения связка «экономическая устойчивость, доходы — политическая устойчивость, стабильность» актуализирована и ее составляющие взаимообусловлены. Снижение одних показателей обязательно повлечет за собой падение вторых. Участники интервью отмечали, что каналы коммуникации между центрами гражданских инициатив, бизнесом и органами власти носят закрытый характер и новых форматов или площадок не появляется, что в условиях пандемии и СВО значительно ухудшало ситуацию.

С одной стороны, процессы централизации власти, усиление роли административного сегмента элиты внутри властной когорты, рост количества бюрократических процедур и нормативных практик в процессах осуществления властных полномочий действительно не способствовали рекрутированию кадров с ярко выраженными лидерскими качествами и нестандартными идеями. В условиях активного давления кризисных факторов на политическую и экономическую систему бюрократический и централизованный характер управления увеличивает риски, потери и негативно влияет как на потенциал всего общества для преодоления кризиса, так и на готовность элитных групп к выработке консолидированного комплекса мер и решений. С другой стороны, кризисные факторы проверяют на прочность те институциональные порядки и практики, которые уже сформировались и функционируют. Структура централизованной, управленческой вертикали, которая сложилась за последние 20–25 лет в России в сознании представителей политико-административной региональной/муниципальной элиты обладает достаточной, на данный момент времени, степенью устойчивости, если трактовать устойчивость как способность к сохранению и восстановлению. «Устойчивость политической системы с федеративным принципом устройства и отношениями “центр — регионы” демонстрирует способность к поддержанию политической стабильности. Федеративная система стабильна, если она сохраняет основы федеративной государственности и базовые институты федерализма. Стабильное развитие федерации всегда направлено на ее сохранение» [6, с. 74].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ текстов интервью представителей элиты позволяет говорить, что события последних лет не воспринимаются как серьезные и опасные кризисы. Скорее как вызовы и риски, с которыми можно работать. Для представителей административного сегмента такой тренд в оценках превалирует. У них уровень тревожности ниже, чему у представителей бизнес-структур. Они ощущают себя более уверенными и защищенными от воздействий внешних кризисных факторов, что обусловлено институциональными практиками всей административной системы.

Очевидно, что для бизнеса на уровне регионов/районов кризисные компоненты в сознании более четко выражены и актуализированы. Они связаны не только с внешними воздействиями, но и в большей степени с региональными/местными особенностями моделей принятия решений. На микроуровне четко прослеживается понимание — существующая дистанция, разрыв между средним/мелким бизнесом и властью (+крупный капитал), устраивает административную часть элиты и ожидать смену модели отношений излишне оптимистично, хотя и необходимо. Серьезным препятствием для преодоления негативных последствий кризиса бизнесмены видят в неготовности административной вертикали к качественным изменениям. Новые механизмы, каналы, площадки для взаимодействия и решения проблем не создаются, а старые не отвечают изменившимся потребностям и функционируют с большим количеством издержек.

Кризис создает новые условия, в рамках которых элиты должны быть способны быстро и гибко адаптировать систему институтов с учетом изменившихся возможностей и запросов. Но в дискурсе представителей административной власти не были обнаружены признаки готовности к качественным изменениям. В качестве положительного момента можно отметить, что во всех текстах интервью у респондентов нет ожидания резких негативных изменений в ближайшее будущее.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шентякова Анна Владимировна — кандидат политических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.
Телефон: +7 (812) 363–64–60. **Электронная почта:** anna_pedagog@mail.ru

Research Article

ANNA V. SHENTYAKOVA^{1, 2}

¹ St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya emb., 199034, St. Petersburg, Russia;

² The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St. Petersburg, Russia.

CRISIS AND STABILITY IN THE MIRROR OF THE REGIONAL ELITE'S OPINIONS (CASES IN-DEPTH INTERVIEWS)

Abstract. The article examines the opinions of the regional elite on the crisis and sustainability in modern Russia. Economic and political sustainability are important conditions for the state stability. Crisis factors violate the usual institutional orders and become a challenge for the ruling elite. The empirical basis of the study is the in-depth interviews with representatives of the regional / local political, administrative and economic elite. The sample included 8 regions of the North-West Federal District of the Russian Federation. The criteria of the positional approach were used to determine the status of the respondent. A qualitative analysis of the texts revealed differences in the perception of the crisis among representatives of two sub-elite groups. Age as a criterion also revealed differences in assessments / opinions and allowed us to divide all participants into two groups of «optimists» and «skeptics». The respondents — business representatives — evaluate the consequences of the crisis painfully and the elements of sustainability very critically. In the minds of people from regional and local administrations, the crisis phenomena of the last 5 years is not assessed as a serious threat that the system will not be able to cope with without significant losses. Sustainability indicators do not cause concern.

Keywords: crisis, sustainability, administrative elite, economic elite, in-depth interviews, interaction between business and government.

For citation: Shentyakova A.V. Crisis and stability in the mirror of the regional elite's opinions (cases in-depth interviews). *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 138–159. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.5>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Shentyakova — candidate of political sciences, senior lecturer, Department of political institutes and applied political research. St. Petersburg State University. Associate Research Fellow of The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 363–64–60. **E-mail:** anna_pedagog@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Акимов В.А., Порфирьев Б.Н.* Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий // Проблемы анализа риска. 2004. Т. 1. № 1. С. 38–49. EDN: NUETNP
Akimov V.A., Porfir'ev B.N. Crises and risk: on the issue of the concepts inter-relationship. *Problemy analiza riska*. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 38–49. EDN: NUETNP (in Russ.).
2. *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). 2-е изд., перераб. и доп. Л.; М.: Книга, 1929. 220 с.
Bogdanov A.A. *Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (Teknologiya)* [General organizational science (Tectology)] 2nd ed., revised and enlarged. Leningrad; Moscow: Kniga, 1929. 220 p. (in Russ.).
3. *Грызунова Е.А.* Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 270–276. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-270-276> EDN: PYMRDX
Gryzunova E.A. Perspectives of Social System Crisis: Comparative Analysis. *Vestnik MGIMO*. 2012. No. 4. P. 270–276. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-270-276> EDN: PYMRDX (in Russ.).
4. *Дука А.В.* Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 1. С. 5–36. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1> EDN: NHCUYD
Duka A. Elites in a crisis society. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 5–36. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1> (in Russ.).
5. *Жигалов В.М.* Стратегический подход к оценке устойчивости регионов России // Проблемы современной экономики. 2019. № 4 (72). С. 114–119. EDN: OVPVOL
Zhigalov V.M. Strategic approach to assessing the sustainability of Russian regions. *Problemy' sovremennoj e'konomiki*. 2019. No. 4 (72). P. 114–119. (in Russ.).
6. *Матафанова Ю.А.* Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 72–75.
Matafanova Yu. A. Political stability and political sustainability in the federal system. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*. 2015. No. 2 (62). P. 72–75 (in Russ.).
7. *Окунев И.Ю.* Стэнфордская модель развития кризиса // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 136–144. EDN: KYGVLR

- Okunev I.Yu. Stanford model of crisis development. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2009. No. 3. P. 136–144. (in Russ.).
8. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9. № 2. С. 146–171. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6> EDN: RXYACY
Tev D.B. Regional administrative elite: socio professional sources of recruitment and careers. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 146–171. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6> (in Russ.).
9. Телин К.О. Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 55–74. DOI: <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.4.5574> EDN: ZDFWFN
Telin K.O. Imitation of “stability”: fake optics of political power discourse. *Nauchny`j ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural`skogo otdeleniya Rosssijskoj akademii nauk*. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 55–74. DOI: <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.4.5574> (in Russ.).
10. Телин К.О., Полосин А.В. Политический кризис в зарубежной мысли: концептуализация понятия. // *Политическая наука*. 2016. № 4. С. 93–110. EDN: XHWCEV
Telin K.O., Polosin A.V. International debate on political crisis: Conceptualization the term. *Politicheskaya nauka*. 2016. No 4. P. 93–110. (in Russ.).
11. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Практикс. 2010. 264 с.
Habermas J. Legitimation crisis [Rus. ed.: Habermas, J. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma*. Trans. from Germ. by L.V. Voropai. Moscow: Praktis Publ., 2010. 264 p.] (in Russ.).
12. Hansson S.O., Helgesson G. What Is Stability? *Synthese*. 2003. Vol. 136. No. 2. P. 219–235. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1024733424521>.